

Р
НЗ4

БИБЛИОТЕКА
«НОВОЙ КНИГИ»
МАЛАЯ СЕРИЯ

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«НОВАЯ КНИГА»
2011

Владимир Науменков

2528511

ВЕРШИНА ВОЛЬНОСТИ

*Избранные
произведения*

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ
«НОВАЯ КНИГА»
2011

УДК 882
ББК 84(2Рос—рус)6
Н34

КАМЧАТСКАЯ КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. С.П. КРАШЕНИННИКОВА
инв № 1178525

Н34 Науменков Владимир. Вершина Вольности : избранные произведения / В. И. Науменков. — Петропавловск-Камчатский : холдинговая компания «Новая книга», 2011. — 304 с., [32] с. : ил. — (Библиотека «Новой книги». Малая серия).
ISBN 978—5—87750—208—6

Главной духовной ценностью русский поэт Владимир Науменков считал Свободу, которую в старину называли Волей или Вольностью. К ней он стремился всегда, живя бедами и чаяниями своего народа, что угадывалось по постоянной горечи в уголках рта и печальной голубизне глаз поэта.

Часть произведений, включённых в книгу «Вершина Вольности», ранее не издавалась по цензурным и иным причинам, некоторые публикации сильно различались с оригиналами и приобрели первоначальный вид усилиями составителя.

Лучшие стихи и поэмы Владимира Науменкова посвящены курской земле, Камчатке и Чукотке, морю, добрым, мужественным и бескорыстным людям, героическим и трагическим страницам истории нашего Отечества.

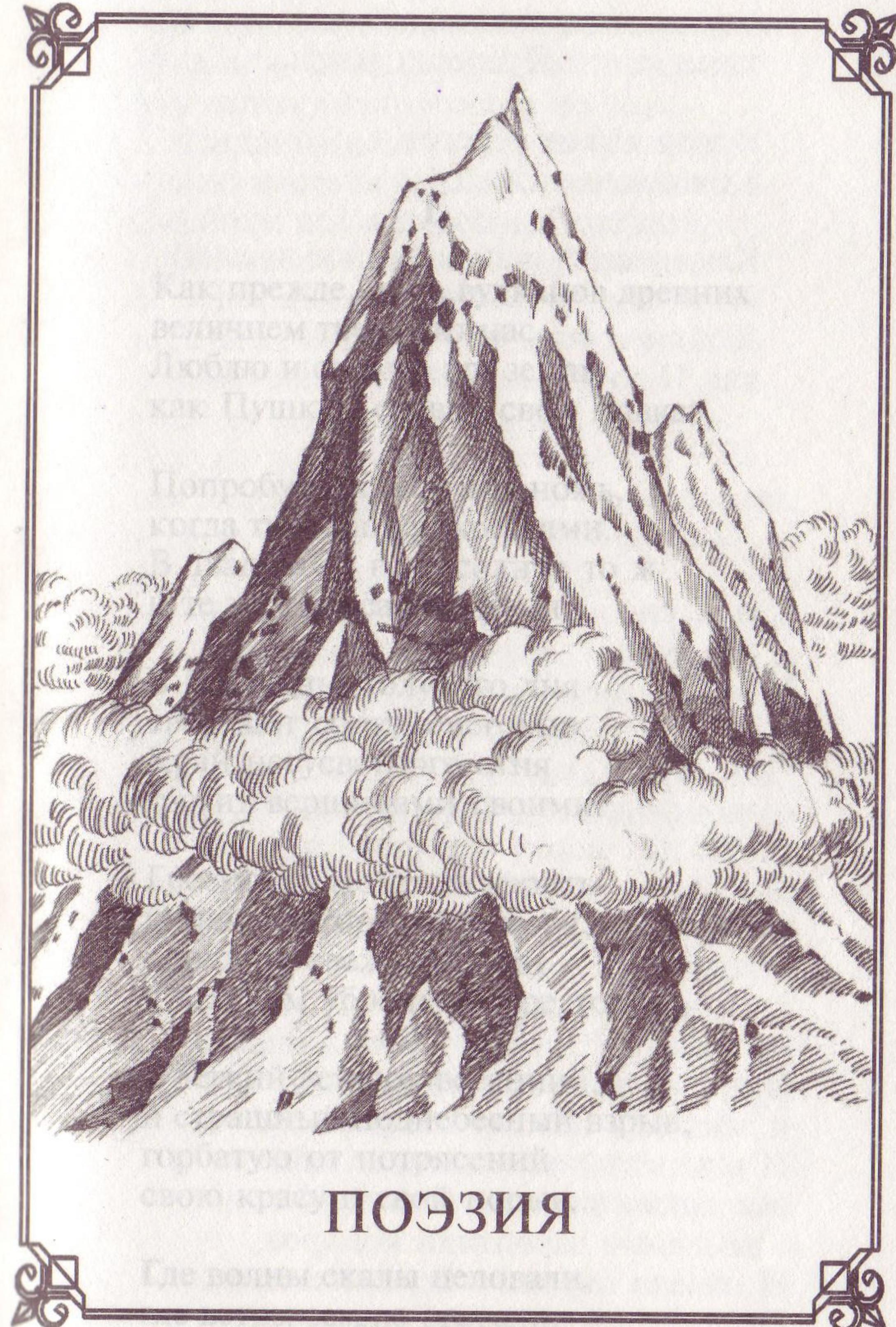
То, что творчество поэта представлено в настоящем издании широко и всесторонне, — результат многолетней работы комиссии по литературному наследию В. И. Науменкова.

В книге соблюдена авторская пунктуация.

Приложение и примечания В. П. Пустовита

ISBN 978—5—87750—208—6

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2011
© В. И. Науменков, 2011

ПОЭЗИЯ

1

Как прежде, цепь вулканов древних величием тревожит нас.
Люблю и славлю эту землю, как Пушкин славил свой Кавказ.

Попробуй-ка себя стреножь, когда ты полонён хребтами.
В двадцатом веке солнце то ж и те же небеса над нами.

В блистанье голубого дня сверкают сопки снежевые.
Край несусветного огня грозит вершинами своими.

Грозит, но может подарить кипенье штормового моря, прохладу свежую долин в зелёном убранстве предгорий,

и лёгкий ветерок весенний, и страшный поднебесный взрыв, горбатую от потрясений свою красу и свой порыв...

Где волны скалы целовали, где ветры землю овевали,

в последние свои лета
здесь гений Пушкина витал.

У этих синих берегов
я окликаю песнь его.

Как прежде, цепь вулканов древних
величием тревожит нас.
Люблю и славлю эту землю,
как Пушкин славил свой Кавказ.

1979

2. СЕВЕРНЫЙ ПРИВАЛ

Среди угрюмых и прибрежных скал
и карликовых скученных берёзок
Мы принимали царственные позы
и начинали свой воскресный бал.
Погода нам недобро сулила,
её почти никто не принимал —
лежал над морем северный привал,
нас обнимая крыльями орлиными.
Они сидели — рыбаки, рыбооповцы,
строители и даже экспедитор,
гласивший тосты, словно сущий диктор,
и кружкою со всеми нами хлопался.
Они сидели — спутники мои,
и запивали квасом для порядка,
И впитывала молча плащ-палатка
все запахи дымившейся хвой.
Мы дымом закоптили комаров,
И навели окрошки без картошки,
Летали прикарманенные ложки

над дымным непростительно костром.
Мужик — он к дыму более привык,
Мы потому вели костёр погуще,
А женщины коптились, как балык,
и вниз слетали слёзы их мохнучие.
Смеялся, пел воскресный ералаш,
о жизни этой вовсе не кручинясь,
И возгоралась хвоя, как лучина,
вплетаясь в тон рачительных мамаш.
Залив гудел, зазывно говоря,
неся на скалы вспененные межи.
Даруют нам очищенность моря,
как люди жизнь угрюмым побережьям.
И зная — завтра все уйдут в моря
на долгую обычную путину,
суровая шальная ребятня
в последний раз на берегу штуила.
Чтоб над морями в тяжкий час стоять,
когда валами сейнер заливает,
Ну, а потом чтоб встретиться опять
И вновь дымить на северном привале.

1967

3

Николаю Зайцеву

А оно такое же, с тоскою,
как и раньше, или — со штормами.
И тебе без моря нет покоя —
пролегла граница между вами.

А оно такое же, без солнца,
с мягкими свинцовыми полями.

Навсегда тревожною бессонницей
эти гребни к сердцу припаяло.

Отцветает на полянах пена,
оплывают кратеры покатые,
а оно такое же, степенное,
с грустными и нежными закатами...

1965

4. У ГОЛУБОГО МОЛА*

Всё — потаённо, даже сердца жар
сокрыт от нас. И, обжигаясь этим,
нам жаль себя, но говорим: «Не жаль...»
Пройдём тоскуя, грусти не заметив.
А долг есть долг. Томительно и долго
нас прижимает к койкам нелюдимость.
Стою один у голубого мола.
А где-то там стоит моя любимая...
И не укроешь глаз голубизну.
Не отрешиться от стеснённых жестов.
Свою вину я отдаю вину,
а ты несёшь её немому сердцу.
И всё идёт, кручинясь, снегопад.
Давно замёл разбитую дорогу.
И кто-то там, отторженный, пропал,
и кто-то здесь отринул недотрогу.
Но сладу нет разбуженной тоске:
в глазах опять глаза те, озарённые.
Летит волна накатами зелёными,

и ждут глаза в заснеженном окне.
И, как всегда, передо мной оно
безропотно уймёт свое мерцание.
И я уйду. Лишь тёмное окно,
растаявши среди снегов, останется...

1960-е

5

Наша встреча, как сумрак лесной,
потревоженный светом восхода.
Просыпалась незримо природа
той далёкой и ранней весной.

Зной пришёл. И наступала пора
золотистого летнего лика.
У опушки уснули ветра,
опалённые травы поникли.

Был ли дождь? Я не знаю теперь.
Было жаркое-жаркое лето...
Было время осенних потерь
и прощание птиц перелётных.

Расстаётся твой образ со мной,
словно вновь засыпает природа.
Наша встреча, как сумрак лесной,
потревоженный светом восхода...

1979

* Заголовок составителя.

6. КОСМИЧЕСКИЕ АКВАРЕЛИ

I. На старте

Корабль среди красной пурги,
а секунды слишком долгий.
Надрываясь, клокочут дюзы —
человек подарил им дерзость.
Подарил туманные дни и дожди,
материнские руки, невестины косы
и предчувствие космоса.
Все прощения, все прощания,
обещания, развлечения и лишения
обрубаются, словно стропы.
Остается одно — внимание
и тоска по Земле родной...

II. Вне Земли

Темнота,
темнота
и косы...
Серебристые косы туманностей
золотою российской осенью,
как в леса, в неизвестность
заманивают.
Словно росы на стеблях ландышей,
над ракетой плывущей
светила рассеяны.
И ракета средь звёзд —
драгоценная ладанка,
земная моя росинка.

III. Космический сон

Приглушенные краски красоты,
горячих линий строгие овалы...
Её, наверно, звёздные костры
в туманностях далёких пеленали.
Не овеяли губ земные ветры,
не обливало солнце
плечи пленнице —
светились зори на лице Ливеты
и шелестели волосы, как прерии.
Лежала даль латунными закатами,
ложила блики на её овалы.
И потаённым жестом виноватым
Ливета гостю руку подавала.
А он стоял, охваченный виденьем,
с забытым на губах каким-то словом.
Потом в ответ руками что-то делая,
он поклонился ей земным поклоном...
О, красота,
какой ты силой создана,
какие сны баюкали Ливету?..
А за метелью звёздной
плыла его далёкая планета...

1965

7. БАРЬЕР ВРЕМЕНИ

Ю. А. Щепоткину

«Не дотянуть до берега, браток,
того гляди, и лямочка порвётся», —
так Алексеич метит свой шесток,
как будто воду тянет из колодца.

И лавка тут на кухоньке стоит,
старинная, и ходики напротив.
На лавке он — стариk и не стариk,
руками годы от себя отводит.

Он руки ставит бережно на стол —
так вёдерко вмещают на скамейку,
ни капельки воды не расплескав,
хозяйки лишь в деревне так умеют.

Он знает всё — политику, футбол,
газетки смотрит, книжечки читает,
одно неясно: собственный свой дом,
где родичи в непостижимой тайне.

Ушли десятилетья за порог.
Куда, зачем — об этом не сказали.
И собачонка, что лежит у ног,
не объяснит ответными глазами.

Он бухту видит рядом за окном —
и домики соседские у окон.
Там корабли, там люди. Но стеклом
отделены — и потому далёко.

Далёко сын, хотя одна семья.
Он за стеной, пока не отделённый,
но весь уже от дома удалённый,
как будто связи с домом потерял.

Порхает дочь, легка и весела,
всё песней дому голову морочит.
В ушке её качается серьга,
качается в глазах отца до ночи.

И тётя Панна у печи, как бог,
ширяет тряпкой, кринками, тазами...
Ушли десятилетья за порог,
куда, зачем — об этом не сказали.

И Алексеич смотрит в свой итог,
в себя глядит, в колодец свой стовёрстный:
«Не дотянуть до берега, браток,
того гляди, и лямочка порвётся».

В глазах его глубокий водоём,
не замутнён он, тих и первороден.
И он смеётся: «Так вот и живём
и незаметно в деток переходим...»

1973

8. МУЗЫКА МОРЯ

Море...
Пружинят гребни,
без клавиш рождая звуки,
а с ними играет в регби
ветер — игрок безрукий.

Я слышу в минорных гаммах
тоску синевы пустынной,
как будто рыдает Гамлет
над прахом судьбы постылой.

Кого ты жалеешь, музыка?
О ком твои волны плачут?
Ударь-ка мне в губы, музыка,
солёной водой горячей.

Но нет, я не стану неволить
душу твою глубинную,
сердце твоё, о море,
музыку эту синюю.

Стихия! Закон простой —
ветер, а волны немы.
Не подчинить простор —
свои у него напевы.

Лето 1961, Севастополь

9. СОЛОВЕЙНЯ

Опять леса разбередили душу,
орловские и курские леса,
они стоят в степи, как чудеса.
Но те леса теперь уже не слушать.

Они далёко там, за зябью лет,
Горенск, и Соловейня, и Ольшаник,
где мой зелёный загорелый чайник
на пенье соловьёв шипел в ответ.

И не было лесов... Что море? — боль,
а тундра что? — безмолвная страна...
Вдали лесов пустынность их страшна,
когда над ними купол голубой.

Так годы уходили и друзья,
они от нас навеки уплывали,
а мы другие дали открывали,
другая нас держала там земля.

И снова лес — у синих снежных скал
берёзами шумит, степенный,
лишь соловьёв он никогда не знал,
не ведал он чарующего пенья.

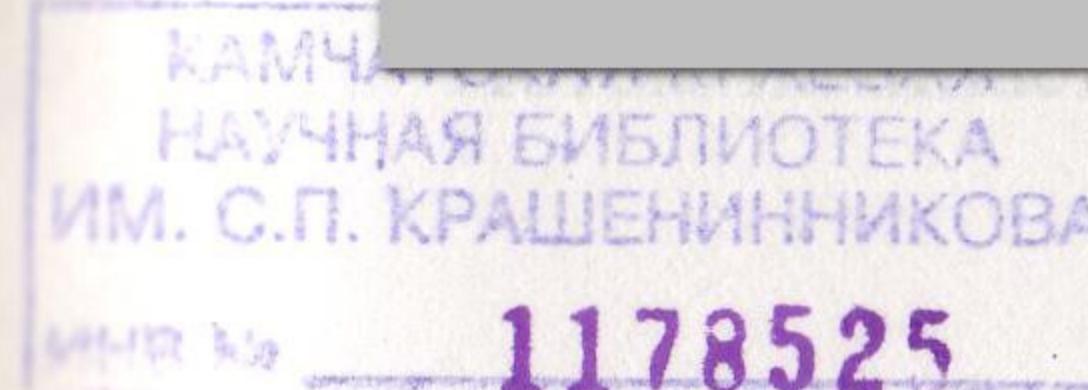
И вдруг они запели — соловьи,
в природе это, видимо, бывает,
когда былое разом оживает,
и память нам о прошлом говорит.

Передо мной леса не соловьиные,
но пели птицы, видно, до рассвета...
Среди кустов шиповника, малины
я видел будто песенное лето.

Среди берёз камчатских благовейных
я всё смотрел на дальние селения
и, полный неохватного смятения,
хотел услышать рощу Соловейню.

Но нет её — идёт лесоповал,
и больно, больно лиственницы падают,
но чуть слышна мне песенка запальная,
как будто соловей здесь побывал.

1973

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

1. «Как прежде, цепь вулканов древних...».....	7
2. Северный привал.....	8
3. «А оно такое же, с тоскою...».....	9
4. У голубого мола	10
5. «Наша встреча, как сумрак лесной...».....	11
6. Космические акварели.....	12
7. Барьер времени.....	13
8. Музыка моря.....	15
9. Соловейня.....	16
10. Ощущение корала (поэма).....	17
11. Баллада об ушедшем олене.....	22
12. В день рождения.....	23
13. «Ну отчего бывает горячо...».....	24
14. У бухты.....	25
15. «Голубые глаза твои...».....	26
16. Барьер полёта.....	26
17. На родине.....	27
18. Я не люблю Камчатку Гиппенрейтера!.....	30
19. Сергей Есенин.....	31
20. «Кого ты ищешь...».....	32
21. «Соберутся вдовушки...».....	32
22. Косари.....	33
23. «Здравствуй, северный край у морей...».....	34
24. Забытые причалы.....	34
25. Там нет берёз.....	35
26. Сестре Зине.....	36
27. У Медыни.....	37
28. Памяти отца.....	40
29. Белые сады.....	41